

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящей статье рассматривается новый методологический подход к определению основания для возбуждения уголовного дела, основанный на разделении признаков преступления на фактические и юридические, применении в познавательной следственной деятельности методов интерпретации, конвенции и абстрагирования. Предлагается определять достаточность не просто как уровень знаний о признаках преступления, но как сложный количественный показатель, включающий в себя несколько критериев. Итогом рассуждения об основании для возбуждения уголовного дела является констатация невозможности универсализации данных о преступлении и необходимости их определения субъектом возбуждения уголовного дела индивидуально в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; основание; признаки преступления; достаточность; тяжкие последствия; общественный резонанс.

This article proposes a new methodological approach to determining the ground of criminal case initiation, based on the separation of the signs of a crime into factual and legal ones, the use of methods of interpretation, convention and abstraction in cognitive investigative activity. It is proposed to define sufficiency not just as a level of knowledge about the signs of a crime, but as a complex quantitative indicator that includes several criteria. The result of reasoning about the ground of criminal case initiation is a statement of the impossibility of universalization of the data on the crime and the need for their determination by the subject of the institution of criminal proceedings individually in each specific case.

Key words: criminal case initiation; ground; signs of a crime; sufficiency; grave aftermaths; public resonance.

Определение понятия «основание для возбуждения уголовного дела» присутствует в уголовно-процессуальном законе почти 60 лет. Содержание рассматриваемого понятия вызывает споры в юридической литературе с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [20] (далее — УПК РСФСР 1960 года) и является дискуссионным по настоящее время. Это обусловлено тем, что основанию для возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законе посвящена лишь краткая норма части 2 статьи 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [21] (далее — УПК РФ) (статья 108 УПК РСФСР 1960 года), не дающая полного представления о данном правовом феномене. Единого мнения относительно подлежащих установлению в стадии возбуждения уголовного дела признаков преступления, достаточности таких признаков не достигнуто. Данное обстоятельство отражается на правоприменительной практике, которая зачастую одни и те же факты трактует как свидетельствующие и не свидетельствующие о признаках преступления.

Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Так предписывает часть 2 статьи 140 УПК РФ.

Относительно сущности основания для возбуждения уголовного дела все процессуалисты едины — таковой является информация (сведения, данные) о преступлении.

Содержание основания для возбуждения уголовного дела большинство авторов раскрывают через понятия признаков преступления и достаточности данных [3, с. 10], о которых идет речь в части 2 статьи 140 УПК РФ. В юридической литературе эти критерии именуются юридической и фактической сторонами основания для возбуждения уголовного дела соответственно [8, с. 121]. По мнению Н.Н. Ковтуна, «признаки преступления» и «достаточные данные», на них указывающие, находятся в соотношении — предмет и пределы доказывания: первые выступают предметом, вторые — пределами [9, с. 43]. С диалектической точки зрения названные атрибуты

являются качественными и количественными признаками.

Спектр мнений на признаки преступления, подлежащие установлению в стадии возбуждения уголовного дела, довольно широк и условно подразделяется на несколько групп.

Первая, и наиболее многочисленная, группа авторов рассуждает о признаках преступления, исходя из учения о составе преступления [18, с. 54].

Другие авторы ориентируются на уголовно-правовое понятие преступления [4, с. 132].

Третья группа авторов [12, с. 39–42] синтезировала две первые точки зрения, доказывая, что основанием для возбуждения уголовного дела являются общественная опасность и противоправность деяния. В свою очередь, противоправность они приравнивали к составу преступления.

Еще одна позиция заключается в том, что под признаками преступления понимаются их следы. Так, Г.А. Густов и В.Г. Танасевич писали о признаках преступления как «определенных фактах реальной действительности, представляющих собой следы преступления, указывающих на возможность совершения конкретного преступления» [7, с. 89].

Рассматриваемая точка зрения подверглась, как кажется, несправедливой критике со стороны приверженцев иных подходов. В частности, Н.А. Власова пишет, что «получение сведений о следах, оставленных каким-либо событием, еще не создает оснований для возбуждения уголовного дела, оно лишь фиксирует факт существования этих следов... Например, следы взлома жилища говорят о том, что в помещение кто-то проник или пытался проникнуть; сведения об отсутствии тех или иных предметов отражают факт их отсутствия; наличие трупа — факт смерти человека... Таким образом, поступление сообщения о подобных фактах еще не означает, что было совершено преступление и следует возбуждать уголовное дело» [4, с. 131]. Такое рассуждение верно лишь отчасти, однако, используя метод доведения до абсурда, можно вывести тезис, что обнаружение трупа с множественными ножевыми ранениями свидетельствует лишь о наличии на трупе повреждений, оставленных колюще-режущим предметом, и никоим образом не указывает на убийство. Однако такой вывод противоречит здравому смыслу. С другой стороны, общественная опасность, противоправность, наказуемость деяния, состав преступления — идеальные понятия, не имеющие материального воплощения, в свя-

зи с чем никакая эмпирия не будет напрямую отражать их наличие либо отсутствие.

Таким образом, складывается ситуация, при которой фактические обстоятельства не свидетельствуют о признаках преступления, а признаки преступления не могут быть получены в результате практической деятельности.

Как представляется, выход из логического тупика находится в понимании преступления как явления объективной действительности и правового явления одновременно, а также в применении методов анализа, абстрагирования и синтеза. Применяя аналитический метод, получим разделение признаков преступления на фактические и юридические.

Фактические признаки преступления — следы и признаки того или иного события, явления объективной действительности, они характеризуют преступление как данность, как факт. Фактические признаки выполняют две функции — отражают само событие преступления и служат исходными эмпирическими данными для получения юридических признаков преступления. Данные о фактических признаках преступления получаются путем проведения проверочных действий*.

К юридическим признакам преступления необходимо отнести признаки состава преступления и признаки преступления, предусмотренные статьей 14 Уголовного кодекса Российской Федерации [22] (далее — УК РФ). Теоретическое содержание данных признаков, их соотношение между собой является предметом исследования уголовного права, а не уголовного процесса. Совпадают указанные признаки или разнятся по своему содержанию, принципиального значения для уголовного судопроизводства не имеет. До выработки единой концепции, объединяющей законодательный и уголовно-правовой подходы к понятию преступления, к юридическим признакам преступления необходимо относить все поименованные законом и доктриной признаки.

Данные об общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости деяния, о которых говорят одни процессуалисты, а равно и данные об элементах состава преступления, на которые указывают другие, есть результат интеллектуального процесса, познавательной деятельности, в основе которой лежат методы интерпретации, конвенции и абстрагирования. Названные методы, при-

* Здесь и далее к проверочным действиям отнесены любые следственные и иные процессуальные действия, совершаемые в стадии возбуждения уголовного дела.

сущие любой науке и не оставшиеся в стороне от уголовного процесса, заключаются в совершении познавательных операций с фактами — явлениями объективной действительности.

При абстрагировании полученных путем проведения проверочных действий сведений о фактических признаках преступления появляются новые знания (данные) о юридических признаках преступления. Так, полученные в ходе опроса и осмотра места происшествия сведения о двух фактах — наличии следов взлома входной двери и отсутствии материальных ценностей внутри помещения, интерпретируются как данные о том, что некто без ведома собственника повредил входную дверь, прошел в помещение, откуда безвозмездно взял не принадлежащее ему имущество, после чего покинул помещение. Здесь наблюдается тесная связь интерпретации с построением версий. Полученное в результате интерпретации знание необходимо абстрагировать. В результате отвлечения от несущественных свойств интерпретированных фактов получают данные о хищении чужого имущества тайным способом, которому предшествовало незаконное проникновение в помещение. Полученные в результате абстрагирования сведения и есть данные о юридических признаках преступления — данные об элементах состава преступления, общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости деяния. Синтез сведений о юридических признаках преступления с данными о фактических признаках позволяет оценить явление объективной действительности как правовое, как преступление.

Особое место в познавательной деятельности, направленной на получение сведений о юридических признаках преступления, занимают конвенции — методологические соглашения юристов. Речь идет об обусловленных, как правило, длительной практической деятельностью, договоренностях правоприменителей относительно интерпретации тех или иных фактов. Так, фактические признаки преступления — эмпирические сведения о трупe с ножом в области сердца, несмотря на множество возможных объяснений (самоубийство, невиновное причинение вреда, казус, причинение смерти по неосторожности, убийство в состоянии аффекта и т. д.), в практике однозначно интерпретируются как данные об убийстве. Такая интерпретация есть результат конвенции.

Наиболее ярко конвенции выражены в Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информа-

ции о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации № 38, Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 14, Следственного комитета Российской Федерации № 5 от 16 января 2015 года*. Впервые данные конвенции были оформлены Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 ноября 1998 года № 83/36, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 сентября 1998 года № 1/19934 «О совершенствовании деятельности по раскрытию убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан, и розыску лиц, пропавших без вести» (утратило силу)**. Суть конвенций заключается в том, что в данных документах заранее оговорены фактические признаки (например, безвестное исчезновение лица с автотранспортом), которые интерпретируются как признаки совершения убийства без вести пропавшего. Названные организационно-распорядительные документы вышли далеко за пределы криминалистических рекомендаций и стали носить характер уголовного-процессуальной конвенции.

Таким образом, синтез сведений о фактических и юридических признаках преступления образует качественный аспект основания для возбуждения уголовного дела. Первые получают в ходе производства проверочных действий, т. е. эмпирической познавательной деятельности, вторые — результат когнитивной (теоретической познавательной) деятельности правоприменителя.

В юридической литературе под признаками преступления каждый автор понимает ту или иную их совокупность, а под достаточностью — уровень знаний о них. Как представляется, такой подход не совсем точно отражает содержание основания для возбуждения уголовного дела, поскольку универсальных формул совокупности и достаточности нет и быть не может ввиду безграничности жизненных ситуаций, в связи с чем возможно вести речь лишь о достаточности признаков, указывающих на конкретное преступление. О невозможности универсализации признаков преступления свидетельствует и то обстоятельство, что определения большинства авторов, которые называют признаками престу-

* Российская газета. — 2015. — 30 марта.

** Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Тула, 2004. — Т. 1. — С. 339–344.

пления ту или иную их совокупность, почти всегда содержат оговорки, исключения из общего правила [5, с. 285]. Поэтому признаками преступления необходимо считать не определенный набор, а весь комплекс фактических и юридических признаков.

Достаточность — свойство по прилагательному «достаточный», одно из лексических значений которого — «имеющийся в нужном количестве» [23, с. 126]. Таким образом, достаточность — это количественный показатель данных о признаках преступления. На это же свойство указывает и В.М. Лебедев: «Достаточность как правовая категория свидетельствует о наличии определенного количества данных, которые будут удовлетворять потребностям для принятия законного, обоснованного и мотивированного соответствующего процессуального решения» [19, с. 444]. То или иное сочетание фактических и юридических признаков преступления, необходимое для возбуждения уголовного дела, глубина знаний о юридических признаках преступления, количество фактических признаков, а также степень достоверности выводов о наличии преступления образуют признак достаточности данных. В рассуждениях о степени достоверности выводов о наличии преступления мнения авторов разделились.

Согласно наиболее распространенному подходу вывод о совершении преступления может носить предположительный характер [14, с. 110].

По мнению других ученых, при возбуждении уголовного дела необходимо исходить из достоверного знания о совершенном преступлении [15, с. 44].

Промежуточную позицию занял В.З. Лукашевич, который полагает, что уголовные дела должны возбуждаться на основе достоверного знания о преступлении, при этом допуская, что иногда требование достоверного вывода о преступлении «нанесло бы существенный вред делу борьбы с преступностью, так как привело бы к необъективным и многочисленным отказам в возбуждении уголовного дела, если без производства следственных действий невозможно достоверно установить факт наличия преступного деяния... Случаи возбуждения уголовных дел на основе вероятного установления события преступления не должны носить массового характера, а должны лишь являться необходимыми исключениями из общего правила возбуждения уголовных дел на основе их достоверного установления» [13, с. 10–11].

Еще одна точка зрения сводится к тому, что вопрос достаточности фактических данных в каждом конкретном случае должен решаться по внутреннему убеждению с учетом совокупности всего имеющегося материала [24, с. 43]. Ввиду невозможности универсализации данных, указывающих на признаки преступления, этот подход представляется не столько оптимальным, сколько единственно осуществимым в реальности.

Некоторые процессуалисты разделяют понятия *признаки преступления* и *факт преступления*, утверждая, что «это две самостоятельные категории, которые нельзя отождествлять», и делая на основании этого вывод о необходимости достоверного установления признаков преступления и получения вероятностного знания о событии преступления [1, с. 113–119]. С таким подходом можно согласиться лишь отчасти.

Преступление — это, в первую очередь, явление объективной действительности, некое событие повседневной жизни. Будет ли считаться такое событие преступным, зависит от того, содержит ли оно в себе юридические признаки преступления. И лишь по наличию либо отсутствию юридических признаков преступления можно говорить о наличии либо отсутствии события преступления. Соглашаясь с тем, что факт и признаки преступления — совершенно разные вещи, необходимо констатировать, что первое невозможно установить без второго, первое по сути своей есть вывод из второго.

Обращаясь к вопросу о степени достоверности данных, указывающих на признаки преступления, необходимо отметить, что данные о фактических признаках, получаемые эмпирически, относительно достоверны*, а данные о юридических признаках всегда носят гипотетический характер, так как получаются в результате мыслительной деятельности. В связи с этим нельзя согласиться с позицией некоторых процессуалистов, полагающих, что вывод о наличии признаков преступления не может базироваться на пред-

* Представляется, что абсолютная достоверность знания, как и абсолютность в объективной истине, принципиально недостижимы. Достоверность знания всегда носит относительный характер, особенно в уголовном процессе, в котором знание о прошедших событиях восстанавливается путем поиска и интерпретации их следов и всегда зависит от особенностей восприятия интерпретатора. Абсолютная достоверность знания не может быть обеспечена не только в стадии возбуждения уголовного дела или предварительного расследования, но и в стадии судебного разбирательства. В противном случае процедуры пересмотра судебных решений были бы упразднены за ненадобностью.

положениях, такой вывод должен опираться на фактические данные и носить достоверный характер [6, с. 29]. И дело не в том, что, как указывает Н.П. Кузнецов, фактические данные, полученные к моменту возбуждения уголовного дела, не всегда могут давать достоверное знание о признаках преступления, поскольку многие обстоятельства преступления еще не известны [12, с. 54], а в том, что применяемые для вывода о наличии юридических признаков преступления интерпретации и конвенции по сути своей и есть предположения. И на таких предположениях возбуждаются уголовные дела, некоторые из которых по результатам предварительного расследования прекращаются, в том числе и на основании пункта 1 части 1 статьи 24 УПК РФ, т. е. в связи с отсутствием события преступления*. При этом необходимо уточнить, что неверная, как может оказаться в итоге, интерпретация не свидетельствует об ущербности стадии возбуждения уголовного дела, поскольку преступления как жизненные явления слишком сложны и многообразны в своем содержании, в связи с чем подобных «ошибок» избежать невозможно в принципе.

Таким образом, вопрос достаточности данных, указывающих на признаки преступления, решается субъектом проверки сообщения о преступлении** индивидуально в каждом конкретном случае. При этом для возбуждения уголовного дела достаточно обоснованного предположения, однако для

принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела вывод должен носить отнositельно достоверный характер. Это обусловлено особенностями стадии возбуждения уголовного дела: решение о возбуждении уголовного дела знаменует собой начало предварительного расследования, в ходе которого заявленное предположение должно быть либо доказано, либо опровергнуто; в свою очередь, «решение об отказе в возбуждении уголовного дела, ввиду того что оно носит окончательный характер, должно основываться не на предположительных, а на достоверных знаниях о наличии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу» [25, с. 50].

Помимо уровня достоверности знаний о признаках преступления достаточность включает в себя тот или иной набор юридических признаков. Так, возбуждение уголовного дела, например, по факту причинения телесных повреждений, невозможно без установления минимальных данных об объективной стороне. Уголовные дела по факту безвестного отсутствия лиц, наоборот, возбуждаются в отсутствии каких-либо сведений об объективной стороне. Возбуждение уголовного дела по факту убийства матерью новорожденного ребенка немыслимо без знаний о субъекте преступления, по факту неосторожного причинения смерти – без знаний о субъективной стороне. Достаточно для возбуждения уголовного дела сведений о признаках только объективной стороны или же необходимы данные об иных признаках, субъект возбуждения уголовного дела решает в каждом случае индивидуально.

Юридические признаки преступления – сами по себе сложные конструкции, включающие структурные элементы. В частности, субъективная сторона проявляется в форме умысла, прямого или косвенного, неосторожности в виде легкомыслия или небрежности, также она включает в себя мотивы, цели, эмоции. Объективная сторона характеризуется не только деянием, но временем, местом, способом и т. д. Деяние, в свою очередь, характеризуется действием, бездействием, общественно-опасными последствиями. Естественно, что в стадии возбуждения уголовного дела нет необходимости в выяснении всех составляющих элементов, например, деяния или субъективной стороны. Глубина знаний о том или ином юридическом признаке преступления, необходимая для вывода о наличии этого признака, также определяется для каждого преступления и входит в понятие достаточности.

* Уголовное дело № 200600119/55 возбуждено по признакам преступлений, предусмотренных ст. 285, 292 УК РФ. В стадии возбуждения уголовного дела имели место фактические признаки преступления, в результате абстрагирования которых выделены и юридические признаки преступления, что стало основанием для возбуждения уголовного дела. Однако по результатам расследования уголовного дела было установлено даже не отсутствие в действиях обвиняемого Х. состава преступления, а отсутствие события указанных преступлений. Уголовное дело прекращено на основании пункта 1 части 1 статьи 24 УПК РФ // Архив Няганского межрайонного следственного отдела Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре.

** Поскольку общий термин для обозначения лиц, наделенных полномочиями по проведению проверки сообщения о преступлении или расследованию уголовного дела, в УПК РФ отсутствует, а используемые в разных нормах перечни должностных лиц приведены бессистемно, образуя при этом правовые пробелы, представляется целесообразным именовать их в зависимости от реализации того или иного комплекса полномочий субъектами проверки сообщения о преступлении, возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, предварительного следствия или дознания.

Данные о признаках преступления только тогда будут достаточными, когда количество фактических признаков будет достаточно для последующих мыслительных операций — интерпретации и абстрагирования. Так, факта смерти человека недостаточно для его интерпретации как признака преступления. К этому необходимо добавить, например, факт наличия огнестрельного ранения. Лишь в совокупности эти два фактических обстоятельства позволят сделать обоснованное предположение о наличии признаков убийства.

Термин «достаточный», наряду с указанным выше определением, также означает «удовлетворяющий, соответствующий чему-либо, каким-либо потребностям» [16, с. 436]. Данные о признаках преступления тогда будут удовлетворять потребностям уголовного процесса в целом, и стадии возбуждения уголовного дела в частности, когда получен тот минимум сведений, позволяющий сделать вывод о наличии признаков преступления. Так, если по обстоятельствам проверки сообщения о преступлении наряду с иными необходимыми признаками установлен умысел, что само по себе достаточно для вывода о признаках преступления, например, предусмотренного статьей 150 УК РФ, имеется основание для возбуждения уголовного дела. Устанавливать виды умысла нет необходимости, эта задача может и должна быть разрешена в стадии предварительного расследования. О том, что достаточно устанавливать минимум данных, указывал еще В.В. Степанов [18, с. 54]. Аналогичной позиции придерживается и судебная практика — «закон не требует установления всех признаков состава преступления, но в качестве обязательного условия для возбуждения уголовного дела необходим тот минимум, который позволяет дать предварительную уголовно-правовую квалификацию содеянному. Именно наличие достаточных для такой квалификации данных и является основанием для возбуждения уголовного дела»*.

Наиболее точно относительно подлежащего выяснению круга обстоятельств, характеризующегося критерием достаточности, выразился С.В. Бородин, указав, что «чрез-

мерное расширение пределов исследования может принести на практике к искусственному затягиванию решения по поступившему заявлению или сообщению, к производству фактического расследования до возбуждения уголовного дела [17, с. 211]. Действительно, проверочные действия, направленные на получение данных, не влияющих напрямую на вывод о наличии или отсутствии преступления, совершаются не только вопреки цели уголовного процесса, но и тормозят и перегружают его.

С другой стороны, чрезмерное сужение пределов исследования также не представляется оправданным. Такое сужение наблюдается при оценке происшествий, имеющих высокий общественный резонанс. Споры также вызывают случаи наступления тяжких последствий.

Так, для П.Н. Коткина наступление «события необычного характера, влекущее наступление или угрозу наступления крупномасштабных последствий, представляющих повышенную общественную опасность», является основанием для возбуждения уголовного дела и осуществления предварительного расследования с целью установления причины такого происшествия [11, с. 3–4].

В.В. Кожокар, соглашаясь с П.Н. Коткиным, пишет, что необходимость возбуждения уголовного дела обосновывается реальной потребностью в использовании всех необходимых познавательных средств органов предварительного расследования и органов дознания для обнаружения преступлений [10, с. 110]. Эта позиция иногда разделяется практическими работниками, полагающими, что в некоторых случаях полномочий субъекта проверки сообщения о преступлении для выяснения всех обстоятельств произошедшего недостаточно, поэтому необходимо возбуждать уголовное дело и «следственным путем» получать нужную информацию. Думается, что это заблуждение основано на непонимании сущности стадии возбуждения уголовного дела. Субъект проверки сообщения о преступлении или субъект предварительного расследования — не единственный познающий субъект в государственном механизме, иные государственные органы имеют зачастую больше познавательных возможностей (например, Ростехнадзор) и полномочий, направленных на сбор сведений (например, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, налоговые органы и т. д.). Более того, необходимо признать, что

* Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 13 июня 2012 г. по делу № 22-3856/12 // <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-105406087> (дата обращения: 15.04.2018); апелляционное постановление № 22-1828/16 22К-1828/2016 от 13 апреля 2016 г. по делу № 22К-1828/2016 // СПС «Гарант».

в стадии возбуждения уголовного дела достаточно полномочий для эффективного получения сведений о признаках преступления (в особенности при взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность), в связи с чем при их неустановлении шансов все-таки добыть эти сведения в стадии предварительного расследования не так уж много. Поиск признаков преступления в несвойственной для этого стадии предварительного расследования снижает эффективность всего уголовного процесса, противоречит целям досудебных стадий.

В.Н. Яшин и А.В. Победкин излагают противоположную точку зрения: «Не может быть признано обоснованным и решение о возбуждении уголовного дела, принятое на основании данных о наличии вредных последствий, при отсутствии сведений о том, что они вызваны именно преступным, а не еще каким-либо деянием» [25, с. 46]. Им вторит Б.Т. Безлепкин: «В следственной практике наметилась тенденция к немедленному возбуждению уголовного дела по случаю крупного драматического происшествия... хотя признаков конкретного состава преступления, как этого требует закон, в самом событии пока еще вообще не усматривается. <...> Логика принятия решения о возбуждении уголовного дела в подобных ситуациях базируется на суждении, что такие происшествия «без криминала не бывают. ...Такую практику нельзя признать правильной. Цель уголовного процесса — не поиск признаков преступлений, а их расследование и судебное рассмотрение. Он не может быть начат раньше, чем будут обнаружены признаки преступления, сколь бы впечатляющим и грозным ни было какое-то происшествие. Заинтересоваться таким происшествием должен не следователь и не прокурор, а сыщик...» [2, с. 21].

Можно соглашаться или не соглашаться с той или другой позицией, но необходимо признать как данность — в практической следственной деятельности при наступлении масштабных тяжких последствий в результате какого-либо чрезвычайного происшествия, крупной аварии и т. д. уголовные дела все-таки возбуждаются. И описанная Б.Т. Безлепкиным в критической манере следственная логика имеет право на существование — в современном мире разработаны и применяются правила безопасности, наверное, во всех сферах жизнедеятельности, в которых имеется хоть какой-то риск причинения какого-либо вреда. Сам факт наступления тяжких послед-

ствий интерпретируется как свидетельство преступного нарушения инструкций, правил, норм и т. д., вызвавшего эти последствия, что, в свою очередь, является достаточными данными, указывающими на признаки преступления. Такая интерпретация снимает дискуссионный вопрос о наличии в подобных случаях основания для возбуждения уголовного дела. Повсеместное использование такой интерпретации уже превратило ее в конвенцию, о чем свидетельствует отсутствие практики отмены решений о возбуждении уголовных дел такой категории.

Понимание, что наступление тяжких последствий свидетельствует о наличии признаков того или иного преступления (в зависимости от конкретных обстоятельств), устраняет необходимость внесения в уголовно-процессуальный закон новых оснований для возбуждения уголовного дела, «по факту чрезвычайных происшествий, связанных с возникновением или с угрозой возникновения чрезвычайной ситуации», как это предлагает П.Н. Коткин [11, с. 5], а также «использования всех необходимых познавательных средств органов предварительного расследования и органов дознания для обнаружения преступлений», как об этом пишет В.В. Кожокар [10, с. 110].

Другого рода случаи возбуждения уголовных дел по фактам происшествий, получивших широкий общественный резонанс либо имеющих высокую социальную значимость. Такие уголовные дела возбуждаются, как представляется, обоснованно.

Ярчайшим примером возбуждения уголовного дела в отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, является уголовное дело, возбужденное по части 1 статьи 293 УК РФ по факту «ненадлежащего исполнения должностными лицами медицинского учреждения своих обязанностей, что могло повлечь постановку неверного диагноза»*. Данное уголовное дело возбуждено в срок до трех часов от момента обращения Д. Стариковой в прямом эфире к Президенту Российской Федерации В. Путину. Естественно, что никакой речи о проведении проверки сообщения о преступлении, равно как и о получении достаточных дан-

* Сообщение о возбуждении уголовного дела по обращению Стариковой Д. с официального сайта следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области / <http://murmansk.sledcom.ru/news/item/1136172> (дата обращения: 17.06.2017).

ных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного частью 1 статьи 293 УК РФ, не ведется.

К сожалению, в практике такие случаи перестали быть редкостью. Так, на территории Няганского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре в 2015–2016 годах имели место несколько случаев самоубийств. По фактам суицида совершеннолетних лиц в 10-суточный срок были приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основании пункта 1 части 1 статьи 24 УПК РФ, т. е. в связи с отсутствием события преступления*. Одновременно с этим в рассматриваемый период имели место два случая самоубийства несовершеннолетних, по фактам которых в день обнаружения их трупов были возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ. Предварительное следствие по каждому из названных уголовных дел длилось 3 месяца, после чего они были прекращены на основании пункта 1 части 1 статьи 24 УПК РФ, т. е. в связи с отсутствием события преступления**.

Несмотря на то, что самоубийства и обнаружение трупов совершеннолетних и несовершеннолетних лиц происходили при сопоставимых, и даже аналогичных, обстоятельствах, в одних случаях органом предварительного следствия признаки преступления обнаружены не были, а в других были. При неизменном результате процессуальные затраты в одних случаях составили 10 суток и несколько проверочных действий, а в других — 3 месяца и десятки следственных и процессуальных действий, процессуальных решений. О случаях возбуждения уголовных дел в отсутствие достаточных данных, указы-

вающих на признаки преступления, заявили почти 50% опрошенных сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, уточнив, что решение о возбуждении уголовного дела в указанных случаях обусловлено высокой социальной значимостью или общественным резонансом произошедшего события.

Представляется, что независимо от общественного резонанса, вызванного произошедшим событием, его социальной значимости, уголовные дела должны возбуждаться исключительно при наличии к тому оснований. Мотивировать возбуждение таких уголовных дел интерпретацией фактов, свидетельствующей о наличии признаков преступления, не представляется возможным, поскольку, как указано выше, аналогичные обстоятельства в социально значимых и нейтральных случаях интерпретируются с точностью до наоборот, что нельзя назвать обоснованным и оправданным. Поскольку закон требует возбуждения уголовного дела только при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, такую практику следует признать порочной.

Таким образом, под признаками преступления необходимо понимать синтез фактических (следы и признаки того или иного события, явления объективной действительности, характеризующие преступление как данность, факт) и всего комплекса юридических признаков (признаки состава преступления и признаки преступления, предусмотренные статьей 14 УК РФ). Сведения о фактических признаках получают в ходе производства проверочных действий. Юридические признаки преступления есть результат мыслительных операций с фактическими признаками — интерпретации, конвенции, абстрагирования.

Достаточность — это количественный показатель данных о признаках преступления, включающий в себя то или иное сочетание фактических и юридических признаков преступления, необходимое для возбуждения уголовного дела, глубину знаний о юридических признаках преступления, количество фактических признаков, а также степень достоверности выводов о наличии преступления. Для возбуждения уголовного дела необходимо минимум сведений, позволяющий сделать вывод о наличии признаков преступления. В каждом конкретном случае достаточность определяется субъектом возбуждения уголовного дела индивидуально.

* Материалы проверок сообщений о преступлении КРСоп № 198-15/55 от 17 апреля 2015 г., КРСоп № 223-15/55 от 7 мая 2015 г., КРСоп № 192-15/30 от 7 октября 2015 г., КРСоп № 22-16/30 от 8 февраля 2016 г., КРСоп № 133-16/55 от 10 апреля 2016 г., КРСоп № 234-16/55 от 6 июля 2016 г., КРСоп № 173-16/30 от 15 сентября 2016 г. и др. // Архив Няганского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре.

** Материалы уголовного дела № 201512824/30 и № 201612817/30 // Архив Няганского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемова В.В.* Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 233 с.
2. *Безлепкин Б.Т.* Настольная книга следователя и дознавателя. — М., 2013. — 368 с.
3. *Белозеров Ю.Н.* Возбуждение уголовного дела : учеб.-практ. пособие для спец. сред. учеб. заведений МВД СССР. — М., 1976. — 41 с.
4. *Власова Н.А.* Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 405 с.
5. *Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В.* Уголовный процесс : учеб. для студ. вузов, обучающихся по юрид. специальностям. — М., 2012. — 719 с.
6. *Григорьев В.Н., Кузьмин Г.А.* Правовые и организационные основы принятия решения в уголовном процессе (досудебные стадии) : монография. — М., 2003. — 136 с.
7. *Густов Г.А., Танасевич В.Г.* Признаки хищений социалистической собственности // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сб. ст. — Л., 1971. — С. 87–102.
8. *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Возбуждение уголовного дела. — М., 1961. — 206 с.
9. *Ковтун Н.Н.* Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности при возбуждении уголовного дела : лекция. — Н. Новгород, 1995. — 75 с.
10. *Кожокар В.В.* Возбуждение уголовного дела. Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 301 с.
11. *Коткин П.Н.* Основания возбуждения уголовных дел, связанных с возникновением или угрозой возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного и социального характера // Российский следователь. — 2008. — № 21. — С. 2–5.
12. *Кузнецов Н.П.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. — Воронеж, 1983. — 116 с.
13. *Лукашевич В.З.* Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. — Л., 1985. — 193 с.
14. *Лутинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. — М., 1976. — 168 с.
15. *Рахунов Р.Д.* Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. — М., 1954. — 88 с.
16. *Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* — М., 1985. — Т. 1. — 696 с.
17. *Советский уголовный процесс : учеб. / под ред. С.В. Бородина.* — М., 1982. — 578 с.
18. *Степанов В.В.* Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. — Саратов, 1972. — 142 с.
19. *Уголовно-процессуальное право : учеб. для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В.М. Лебедева.* — М., 2014. — 1060 с.
20. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. (в ред. от 29 декабря 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592; СПС «КонсультантПлюс».*
21. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.ru 28.12.2018.*
22. *Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.ru 28.12.2018.*
23. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. — М., 2014. — 800 с.
24. *Шурухов Н.Г.* Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела (процессуальные и организационные вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1982. — 135 с.
25. *Яшин В.Н., Победкин А.В.* Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы : учеб. пособие для вузов. — М., 2002. — 184 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. *Artemova V.V.* Vozbuzhdenie ugolovnogo dela kak ugolovno-processual'nyj institut : dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2006. — 233 s.
2. *Bezlepkin B.T.* Nastol'naya kniga sledovatelya i doznavatelya. — М., 2013. — 368 s.
3. *Belozherov Yu.N.* Vozbuzhdenie ugolovnogo dela : ucheb.-prakt. posobie dlya spec. sred. ucheb. zavedenij MVD SSSR. — М., 1976. — 41 s.
4. *Vlasova N.A.* Problemy sovershenstvovaniya form dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe : dis. ... d-ra yurid. nauk. — М., 2001. — 405 s.

5. *Gel'dibaev M.H., Vandyshev V.V.* Ugolovnyj process : ucheb. dlya stud. vuzov, obuchayushchihsya po yurid. special'nostyam. — M., 2012. — 719 s.
6. *Grigor'ev V.N., Kuz'min G.A.* Pravovye i organizacionnye osnovy prinyatiya resheniya v ugolovnom processe (dosudebnye stadii) : monografiya. — M., 2003. — 136 c.
7. *Gustov G.A., Tanasevich V.G.* Priznaki hishchenij socialisticheskoy sobstvennosti // Voprosy sovershenstvovaniya predvaritel'nogo sledstviya : sb. st. — L., 1971. — S. 87–102.
8. *Zhogin N.V., Fatkullin F.N.* Vozbuzhdenie ugolovnogo dela. — M., 1961. — 206 s.
9. *Kovtun N.N.* Obespechenie neotvratimosti ugolovnoj otvetstvennosti pri vozbuzhdenii ugolovnogo dela : lekciya. — N. Novgorod, 1995. — 75 s.
10. *Kozhokar' V.V.* Vozbuzhdenie ugolovnogo dela. Voprosy teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2016. — 301 s.
11. *Kotkin P.N.* Osnovaniya vozbuzhdeniya ugolovnyh del, svyazannyh s vzniknoveniem ili ugrozoy vzniknoveniya chrezvychajnyh situacij tekhnogennogo i social'nogo haraktera // Rossijskij sledovatel'. — 2008. — № 21. — S. 2–5.
12. *Kuznecov N.P.* Dokazyvanie v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela. — Voronezh, 1983. — 116 s.
13. *Lukashevich V.Z.* Ustanovlenie ugolovnoj otvetstvennosti v sovetskom ugolovnom processe. — L., 1985. — 193 s.
14. *Lupinskaya P.A.* Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Ih vidy, sodержание i formy. — M., 1976. — 168 s.
15. *Rahunov R.D.* Vozbuzhdenie ugolovnogo dela v sovetskom ugolovnom processe. — M., 1954. — 88 s.
16. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. — M., 1985. — T. 1. — 696 s.
17. Sovetskij ugolovnyj process : ucheb. / pod red. S.V. Borodina. — M., 1982. — 578 s.
18. *Stepanov V.V.* Predvaritel'naya proverka pervichnyh materialov o prestupleniyah. — Saratov, 1972. — 142 s.
19. Ugolovno-processual'noe pravo : ucheb. dlya bakalavriata i magistratury / pod obshch. red. V.M. Lebedeva. — M., 2014. — 1060 s.
20. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR : utv. VS RSFSR 27 oktyabrya 1960 g. (v red. ot 29 dekabrya 2001 g.) // Vedomosti VS RSFSR. — 1960. — № 40. — St. 592; SPS «Konsul'tantPlyus».
21. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (v red. ot 27 dekabrya 2018 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2001. — № 52 (ch. I). — St. 4921; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.ru 28.12.2018.
22. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 27 dekabrya 2018 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1996. — № 25. — St. 2954; Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.ru 28.12.2018.
23. *Ushakov D.N.* Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. — M., 2014. — 800 s.
24. *Shuruhnov N.G.* Predvaritel'naya proverka zayavlenij i soobshchenij o prestupleniyah v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela (processual'nye i organizacionnye voprosy) : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1982. — 135 s.
25. *Yashin V.N., Pobedkin A.V.* Vozbuzhdenie ugolovnogo dela. Teoriya, praktika, perspektivy : ucheb. posobie dlya vuzov. — M., 2002. — 184 s.